

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ АРЗАМАЗОВ

доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии

Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»

ведущий научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан

(Казань, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7577-5917; arzami@rambler.ru

ЭТНОПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ЗОИ ДУДИНОЙ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются стихотворения Зои Дудиной, одной из наиболее известных и художественно оригинальных представительниц современной марийской поэзии. Актуальность темы обусловлена как многогранностью литературного таланта, широтой диапазона поэтических приемов автора, так и фиксируемой малоизученностью его творческой концепции. Новизна работы определяется общей филологической неписанностью произведений Зои Дудиной в контексты национальной традиции, финно-угорской словесности, теоретико-методологической неразработанностью темы женской лирики в истории марийской литературы. Цель статьи – проанализировать характерные для художественной картины мира марийского поэта индивидуально-авторские особенности, восходящие к фольклору и мифологии народа мари этнокультурные компоненты, экзистенциально-психологические аспекты творческого высказывания. Среди основных реализуемых в статье задач – рассмотрение мотивно-образного комплекса (мотив смерти, атмосферные, орноморфные символы), проблемно-тематических приоритетов автора, отдельных лингвоэстетических параметров, корреспонденций с именами и произведениями национальных классиков (С. Чавайн), степени соотнесенности оригинальных текстов с русскоязычным переводом. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** национальная литература, этнокультурная идентичность, современная марийская поэзия, образная система, лингвопоэтические особенности, лирический герой, фольклорно-мифологический контекст, Зоя Дудина

Д л я ц и т и р о в а н и я : Арзамазов А. А. Этнопоэтический мир Зои Дудиной // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.941

ВВЕДЕНИЕ

К приоритетным направлениям современной отечественной гуманитаристики относится исследование этнокультурного многообразия России. Национальные литературы в этом плане представляют большой научный интерес, располагают богатым, разнообразным фактическим материалом, на основе которого может осуществляться теоретическое моделирование. Зачастую именно в художественном преломлении наиболее выразительно проявляется этническая идентичность, получают отражение мировоззренческие особенности народа. На фоне гетерогенных литературных традиций России выделяются финно-угорские литературы, вобравшие в себя духовно-эстетические категории и об-

разно-символические пласты Запада и Востока, но при этом не утратившие свою глубинную самобытность. Финно-угорские литературы Урало-Поволжья неоднократно становились объектом фундаментального научного рассмотрения¹ [5], [9], [10], [12], [13], [14]. В обозначенном контексте национальных литератур урало-поволжской этнокультурной зоны наименее исследованной представляется марийская словесность, до сих пор осталось очень много пробелов, белых пятен. Между тем в истории литературы мари немало талантливых поэтов, писателей, творчество которых предполагает монографическое осмысление. Как особый феномен может быть прочитана марийская женская лирика.

* * *

Прежде чем перейти к анализу конкретной поэтической системы, необходимо обозначить некоторые важные реалии развития национальной литературы.

Марийская литература несколько в меньшей степени, чем другие литературы народов Поволжья и Урала, известна русскоязычному читателю. Особенно это касается ее современного пласта. Если отдельные произведения, книги марийских классиков советской эпохи были переведены на русский язык, то писатели среднего и молодого поколения узнаваемы, читаемы в узком кругу своих. Одно из важных достижений («сохранений») марийской литературы, творческо-гуманитарного сообщества – верность писателей родному языку. Переход на русский для марийского автора не является ни естественным, ни предпочтительным. Так было на протяжении XX века, так остается и сейчас. Творить, писать по-марийски – значит быть своим среди своих, быть собой, значимой частью марийского мира.

Марийская поэзия с большой регулярностью отражает социальную незащищенность мари в условиях нового времени, когда неясно, как жить. Это противоборство старого и нового, советского прошлого и постсоветского настоящего наблюдается в творчестве поэтов разных поколений. При этом речь идет о диаметрально противоположных оценках истории и современности, приводятся разные аргументы и факты. Показательно, что постсоветская действительность контекстуально тесно связана с городом, воплощающим в себе ложные ценности (пьянство, потребительство, стирание этнических корней и т. д.). Вместе с тем образный язык марийской поэтической урбанистики не отличается разнообразием, наличием развитой мифологической семантики.

Центральное место в марийской поэзии занимает природа, частью которой мариец ощущает себя. Мир, люди природы (прежде всего родная деревня, ее окрестности, родители, старики) противопоставляются топосу, аксиологии, человеку города. Лирический герой, возвращаясь в родные места, встречаясь с сельскими жителями и разговаривая с ними на своем языке, занимаясь физической работой, по-настоящему становится счастливым, обретает полноту этнического самовыражения. Нельзя не заметить, что марийская поэзия в большей степени пессимистична. Внешняя жизнерадостность марийцев на внутреннем уровне поэзии опровергается меланхолией, не-

верием в себя, боязнью грядущего, глухой закрытостью от других.

Одна из наиболее ярких, активных в творческом плане представительниц современной марийской женской поэзии – Зоя Михайловна Дудина (род. 1962). Ее стихотворения переведены на все основные финно-угорские языки; сама Зоя Дудина почти с самого начала своей писательской работы переводит на родной язык авторов из разных культур и традиций. Восхождение поэтессы к вершинам национальной словесности со стороны кажется стремительным и легким – уже первые сборники обратили на себя внимание читательской аудитории. Линии профессиональной жизни Зои Дудиной видятся ровными, в целом перекликаются с биографическими стандартами и контекстами других марийских писателей, наивысшая творческая и личная активность которых пришлась на 1990-е годы. Уже в значительной степени свободное от соцреализма новое поколение поэтов, прозаиков и драматургов осознало текстообразующую неизбежность этнокультуры, на глубинных уровнях обратилось к образно-символическому пласту мифологии, фольклора мари. Интенсифицировалось художественное переосмысление продуктивного литературного опыта предшествующих писательских поколений, духовно-интеллектуального наследия национальной классики.

Анализ творчества Зои Дудиной осуществлен с учетом новых литературоведческих работ, обращенных к марийской литературе, культуре [1], [2], [3], [4], [6], [7], [8], [11].

В основе осуществленного прочтения творчества Зои Дудиной – стихотворения из сборника «Доля земная» (2017), в который вошли переведенные на русский язык разными авторами произведения. Рассматриваемая книга требует некоторых исходных определений и замечаний. Очевидна достаточно жесткая структурированность издания: все разделы тематически аргументированы, прослеживается сложноподчиненная смысловая связанность большинства текстов. В этом аспекте может идти речь об определенной степени авторской рефлексии, ракурсе понимания композиции художественного целого. Одна из содержательных платформ книги – автобиографические модулы. Зоя Дудина предлагает вниманию реципиента «долю земную» женщины, при этом апеллирует к событиям собственной жизни. Такое часто встречающееся в национальной лирике стремление к актуализации личного-своего может рассматриваться с точки

зрения теории литературы как стадийно-типологически обусловленная реальность внутреннего проблемно-тематического моделирования, так и психологическая доминанта, обнажающая потребность выговориться, поделиться болью, разобраться в себе и других. Еще одна заметная деталь, подтверждающая автобиографическое начало многих произведений, – наличие большого количества посвящений, адресаций. Регулярно встречаются и эпитафии, преимущественно из русской поэзии. Переводы стихов Зои Дудиной на русский язык – разного качества, разной точности.

Художественный мир Зои Дудиной состоит из повсеместно регистрируемых тем, мотивов, образных констант. Некоторые из них подготовлены национальной традицией, другие имеют индивидуально-новаторский характер.

Большой проблемно-тематический пласт поэзии Зои Дудиной связан с репрезентацией этнической идентичности, обозначением этнокультурной самобытности мари. Это стержневое направление словесности, которое сознательно (и бессознательно) сдерживалось, осознанно ослаблялось в советские годы, после перестройки становится творчески очень востребованным: литература воспринимается как одна из основных форм выражения социогуманитарных ожиданий, отстаивания национальных интересов. В широком смысле этнохудожественная составляющая в стихотворениях Зои Дудиной представлена серией своих тем, символов, номинаций, адресаций. Эмблематизация этнической идентичности прежде всего происходит за счет привлекаемых автором (сохраненных переводчиком) языковых средств, марийских вкраплений. Так, в отдельных текстах приводятся эпитафии только на марийском (59)² (без перевода на русский язык цитируются строки писателя Вячеслава Абукаева). В пространстве произведения произносятся фразы, реплики по-марийски (17). Выраженной символической этноидентификационной значимостью наделены топонимы (Сернур, Йошкар-Ола, Купсола), гидронимы (Лемде, Оно, Руй). Звучат имена персонажей марийской мифологии (Ош Кугу Юмо, Шайтан, Керемет, Азырен и др.).

Ключевое место в творчестве Зои Дудиной занимает стихотворение, обращенное к родному языку:

«Живу на чужбине. Но душу и тут / Спасает язык мой родимый: / Он – светоч, родник, собеседник, редут... / Он – в чем-то непередадимый. / Марийское слово остро, но оно / На дружество с вами подвигнет; / Мне мамина песня – рассветом в окно, / И ВЕРА, что с детства не гибнет. / Пронизет, как молния, бы-

страя речь, / А то перекажется громом; / Я помню, как клялся ее уберечь / Отец в своем слове весомом. / Чавайн ли, Шкетан ли, волшебник-Колумб – / Всё дили от пращуря Слово; / Незнайка – тот скажет всегда наобум, / Без корня нет роста живого. / России мы – лишь невеликая часть, / Но, было, звучали весомо; / И стоит мне к говору леса припасть – / Услышу, что молвят знакомо. / На речи богатой – культура веков / И в рощах священных молитвы... / Народ мой, глядите, сегодня как-ков: / Пригодный для мира и битвы. / Храню чистоту моего языка, / И он – оберег на чужбине. / Полны мы достоинства, чести, пока / Он в наших устах на помине» (перевод Г. Пирогова) (86–87).

В приведенном тексте нашли отражение регулярно используемые в произведениях подобного рода риторические стратегии, оценочные определения, «высокие» ассоциации. С первой строки обозначается оппозиция своего / чужого, родной язык преподносится как важнейшая духовная ценность, культурное наследие этноса. Прославляющий марийский язык контекст поддерживают цепочки корреспонденций: родной язык – светоч, родник, собеседник, редут. Он сопоставляется с отцом и матерью, переносит в счастливое детство, в нем слышатся говор леса и молитвы священных рощ. Марийский язык может уподобляться молнии и грому. Он называется богатым, на нем творили классики национальной литературы. Тема родного языка частично раскрывается в «Песне учительницы» (19). Автор именно на нее возлагает большие надежды – учитель должен помочь растущим поколениям приоткрыть богатство и щедрость марийской речи.

Для Зои Дудиной чрезвычайно важно предъявить потенциальному читателю (самой себе?) некоторые «объемы» марийской литературно-художественной традиции, проявить наличие своих основ, истоков, имен. Поэт неоднократно подчеркивает соотнесенность собственного творчества с национальной классикой. Зоя Дудина в ряде стихотворений перечитывает-переосмысливает тексты зарождения марийской словесности. Выразительный пример – «Над “Рощей” Чавайна» (88). Пессимистический фон произведения может быть обусловлен трагической судьбой родоначальника литературы мари Сергея Чавайна. Автор при таком ракурсе интерпретации обращается к теме репрессий, неоправданных человеческих потерь, духовных утрат. Однако это всё – внутренние закрытые смыслы текста. У Дудиной нет стремления открыто актуализировать исторические нарративы, давать развернуто-аргументированные оценки случившемуся. Ощутимую затемненность тексту придает переводческое прикосновение Германа Пирогова. Это тот случай, когда в процессе перевода под-

вергаются изменению стержневые параметры исходного текста.

В ряде стихотворений из книги «Доля земная» затрагивается тема марийской веры (*ошмарий-чимарий*), произносится имя Белого Великого Бога (Ош Кугу Юмо). Эти тексты скреплены высоким уровнем этнического самосознания, их адекватное, детальное понимание возможно в контексте традиционного мировоззрения мари. Стихи обозначенного тематического блока могут рассматриваться и как квинтэссенция этнохудожественной сфокусированности автора. В широком смысле это перспективный для творческого совершенствования и аналитического прочтения опыт поэтической репрезентации марийского мира:

«Среди Вселенной без конца и края, / Напор времен невозмогая, / Удерживая дней водоворот, / Дождем и солнцем душу очищая, / Живет марийский мир, / Земли моей народ. / Живут мари среди родной природы, / Храня заветы древнего народа, / Традиции не пряча под замок, / Любя земли своей леса и воды, / Тебе молясь, Великий Белый Бог...» (перевод Т. Лейко) (113).

Сакральный локус марийской земли, к которому Зоя Дудина многократно возвращается, – роща / ото. Здесь этнофор остается наедине со своим Богом:

«Вы лжете – есть своя у наших вера / И голос свой... Как гордо он звучит! В Священной роще вставшему у древа / В лихие дни они – надежный щит...» (перевод Г. Пирогова) (113);

«Поэт, мы по-прежнему правнуки роц, / Завидя их, нечисть пускается прочь, / И молится Белому Богу душа...» (перевод Г. Пирогова) (121).

Многие лирические произведения Зои Дудиной пессимистического склада, минорной тональности. Широкое распространение получает мотивно-образный кластер смерти, к которому относятся мотивы гниения, высыхания, образы кладбища, могилы, ямы, сырой земли. Данные негативизирующие константы чаще применяются в текстах, художественных традициях, близких к народной культуре, фольклорно-мифологическим первоосновам своего этноса. Марийцы в этом плане – активные носители этнических представлений, поэтому национальная литература «чувствительна» к названным сюжетам, контекстам. Переживание смерти отца, осознание перспективы прерывания рода, остродраматическое, но при этом «приглушенное» ощущение сиротства явлены в стихотворении «На задворках» (15). На фоне как фактического, так и мистико-интуитивного соприкосновения со смертью обостряются психофизиологические возможности восприятия: замечается то, что раньше не заме-

чалось. Реальность вокруг определяется мифологическим шепотом цветов, запахом махорки покойного, мерцанием погоста. В другом произведении «На родине» (42) лирическая героиня после смерти родителей осознает свое одиночество на родной земле. Погост при этом изображается как место силы, восстановления – там все свои, там ждут.

Лирического субъекта с пугающим постоянством одолевают мысли о смерти. Ей кажется, что со смертью у нее особые, почти семейные, отношения: «С духом смерти Азыреном я давно обручена» (149). Упоминание Азырена существенно усиливает этноспецифическую компоненту стихотворения. Необходимо заметить, что, согласно представлениям мари, духа смерти Азырена видят не все, а только грешные, злые люди. Праведным, добрым он обычно не напоминает о себе. Таким образом, лирический персонаж подчеркивает свою греховную сущность.

В женском облике предстает смерть в произведении «В городе Царёве» (31). Это вторичная интерпретация переводчика – гендерный фокус русского языкового мышления. На поверхности текста – постоянство присутствия смерти в сознании лирического Я. У Зои Дудиной есть произведения, в которых активированы суицидальные мотивы, фиксируются завуалированные призывы к совместной гибели. Такие эпизоды могут трактоваться как элемент любовной риторики, инструмент поэтической драматизации чувства. Это и символическое обыгрывание краха отношений, неутешительного финала любви:

«Мой верный друг, любимый человек, / Устроить жизнь мы всё же не сумели. / Быть может, лучше лечь, окончив век, / Среди берез нам в черной колыбели?!» (перевод А. Спиридонова) (145);

«На улице – лучи весны последней / Поодиночке в небо нас зовут. / А, может, полетим с тобою вместе? / На небе будет легче нам, чем тут...» (перевод А. Ковихина) (155).

К выразительным образно-символическим кодам поэзии Зои Дудиной относятся отрицательные атмосферные явления. Прежде всего они встречаются в любовной лирике – градус непримиримости, разочарования здесь достигает максимальных риторических высот. Вьюга, метель, буран, снег, дождь, ветер вводятся в пространство текста, чтобы выразить боль, отчаяние, обиду, страх, одиночество. Примечательно, что перечисленные доминанты реализуются преимущественно в творчестве авторов-женщин (не только мари, но и коми, удмуртов, чувашей и др.). Приведем наиболее показательные примеры:

«Не клянись, что любить будешь вечно, / Наша жизнь – это ветер и дождь... / Не клянись, что любить будешь крепко, / Мы и сами – как ветер с дождем...» (перевод А. Коковихина) (167);

«Шорт-шорт! – плачет снег под ногами... / Как яростно ветер визжит! / Знать, ангелов где-то над нами / Кнутами пурга потрошит. / Откуда идет эта стужа? / Я знаю: ты просто забыл. / Сказал то, что высказать нужно / И душу мою застудил!» (перевод А. Спиридонова) (174);

«На улице срывает ветер листья, / Бросает на асфальт по одному. / Вот также потерялись, разошлись мы, / Сердцами, друг мой, рухнули во тьму...» (перевод А. Коковихина) (155).

Отдельного прочтения заслуживает стихотворение «Бураны России». Экзистенциально-психологические смысловые контексты снега, бурана здесь замещаются социальными, и даже геополитическими. Рисует драматическая картина действительности. Люди (жители России) изображаются потерянными, испуганными, обреченными на «ничто»:

«Снега и с “норда”, и с “норд-веста” / Идут полками на восток, / Найти себе не могут места / Ветра, сбивая с пеших ног. / По всей России нынче вьюжно: / Бураны страхом замели; / Того гляди, им станет нужно / Закинуть нас на край земли. / Порвав живую связь с домами, / В ничто сограждане идут, / В испуге мечутся стадами, / Покоя нет ни там, ни тут...» (перевод Г. Пирогова) (84).

Переключение на социальные проблемы, темы в женской лирике – явление не очень распространенное, привлекающее внимание своеобразием образного языка.

Как и в творчестве многих марийских поэтов, в стихах Зои Дудиной получили широкое художественное представление орнитоморфные образы. Как правило, птицы семантически сопряжены с мифологическими представлениями разной степени сюжетно-ситуативной проявленности. Функциональный диапазон их поэтического привлечения может быть обусловлен «работающей» фольклорной памятью этнофора. Излюбленный птичий символ Зои Дудиной – жаворонок. В стихотворении «В Радуницу» птица вписана в образно-ассоциативное пространство смерти:

«Утром в небе над сернурским полем / Серый жаворонок мельтешит. / – Одинокую мыкаешь долю, – / Укоряет и учит, как жить... / Птица серая, всё не так просто: / Никогда мне одной не бывать – / Как я жизнью играю, с погоста / Наблюдают отец мой и мать» (перевод А. Коковихина) (23).

Приведенный текст – пример литературно-поэтического взаимоналожения категорий нескольких понятийных, мировоззренческих систем, трех субъектов творчески моделирующего сознания (традиционно-марийский (поэт), русско-православный (переводчик), лириче-

ско-любовный (лирическая героиня)). Такая дезориентирующая мотивированного читателя многослойность точек зрения – противоречивая реальность литератур народов России, показатель удаленности переводчика от поэта, его этнокультуры.

Жаворонок у Зои Дудиной может появляться и в не осложненных фольклорно-мифологическими сценариями лирических контекстах. Так, в стихотворении «Моя земля» птица – заметный элемент панорамы малой родины, символ гостеприимства мира мари, радушия марийской природы:

«Поет жаворонок, / Легко ему к солнцу подняться. / Друг мой, смотри, / Он нас приглашает, / Зовет на качелях качаться! / Прочь от земли!» (перевод А. Спиридонова) (10).

Сложный социогуманитарный фон определяет семантику образа кукушки в одном из текстов Зои Дудиной. Автор при помощи ассоциативного орнитоморфного кода характеризует состояние / статус своего этноса: «Я поняла, что истина с народом: / Но мы кукушки у лесной межи...» (перевод Г. Смирнова) (10). Попытки поэтической этнической саморефлексии, в данном случае промежуточно-заявочной, нераскрытой, в плане посылов метафорически затемнены.

Кукушка ассоциирована со смертью, одиночеством в стихотворении «Кукушечка» (101), входящем в пронизанный болью, отчаянием цикл «Памяти сына». Примечательно, что в тексте представлен не столько марийский, сколько славянский компонент (Купала, Петров день). Переводчик (А. Спиридонов), опираясь на более понятные, привычные этнокатегории восточнославянских культур, переводит марийскую действительность на свой лад. Подобные примеры славянизации, этнического замещения финно-угорских, тюркских картин мира «русскими знаками» – распространенное явление в переведенных на русский язык произведениях национальных писателей.

Образ раненой птицы в одноименном стихотворении (72) соотносится с лирической героиней, разбитой разлукой с любимым мужчиной. В произведении «Вещунья-птица» птице приписывается роль предвестницы беды. Это универсальное мифологическое толкование актуализируемого символа. В финале текста вновь звучит тема смерти, фигурирует образ ямы:

«Не надо быть, вещунья-птица, / Всегда предвестницей беды – / Вот так в окно о стекла биться, / Когда уйду – решишь не ты. / Напрасно думать: напророчу – / И в тень сойдет, как по струне... / Еще не вырастила роуцу, / Где яму выкопают мне» (перевод Г. Пирогова) (54).

В стихотворении «Трясогузка» (67) нет дополнительных мифологических подтекстов – птица изображается как наивно-веселое дитя природы, радующее людей своим пением.

Заметная языковая деталь, психоэмоциональная особенность поэзии Зои Дудиной – активность отрицательной частицы «не». Дискурс отрицания ожидаемо преобладает в произведениях о любви. «Не» говорится разным актантам – себе, приближенному Ты-субъекту, далеким и другим лицам. С большой регулярностью «не» представлено в заглавиях: «Не скажу», «Не клянись», «Не дарите мне любви», «Не знаю», «Нет, не отважна я», «Не гони».

ВЫВОДЫ

Поэзия Зои Дудиной в значительной степени трафаретна. Раскрываемые автором темы, мо-

тивны, образные комбинации совпадают с тем, о чем и как пишут другие марийские поэты. Повсеместно регистрируемое заметное однообразие, низкие скорости сюжетно-содержательного обновления – одна из острых проблем, стоящих перед марийской (и не только) литературой. Стихотворное творчество Зои Дудиной, бесспорно, *sub specie* художественных критериев имеет сильные стороны – пристальное внимание к религиозно-мифологической картине мира мари, подчас эмоционально-интуитивное высвечивание марийскости, привлекательная для доверительного сопереживания реципиента психологическая достоверность поэтизируемого. Важно, что тексты Зои Дудиной в достаточно большом количестве переведены на русский язык. Это обстоятельство открывает почти не представленную по-русски самобытную поэзию марийских женщин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Литература народов России: Учеб. пособие / Под ред. Р. З. Хайруллина, Т. И. Зайцевой. М.: ИНФРА-М, 2023. 385 с.
- 2 Дудина З. Доля земная: Избранные стихотворения, венок сонетов, поэмы. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2017. 232 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: Коллективная монография / Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева, Г. Е. Шкалина и др.; Сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. 353 с.
2. Арзамазов А. А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. 316 с.
3. Гендерная репрезентация марийской этнической идентичности: язык, фольклор, литература: Монография / Н. Н. Глухова, Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева и др.; Под общ. ред. Н. Н. Глухой. Йошкар-Ола: Стринг, 2017. 383 с.
4. История марийской литературы / К. К. Васин, С. Я. Черных, А. Е. Иванов и др; Отв. ред. К. К. Васин, А. А. Васинкин. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. 432 с.
5. Колчева Э. М. Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. 164 с.
6. Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2011. 324 с.
7. Манаева-Чеснокова С. П. Художественный мир современной марийской поэзии: Монография. Йошкар-Ола, 2004. 188 с.
8. Марийцы: Историко-этнографические очерки. Изд. 3-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 482 с.
9. Пантелева В. Г. Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв: жанрово-стилевые и образные модификации // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 1. С. 286–309. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309
10. Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: Коллективная монография / Науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 556 с.
11. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: Коллективная монография / Р. А. Кудрявцева, Н. Н. Старыгина, Н. И. Любимов и др.; Сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2022. 181 с.
12. Domokos P. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. 353 ol.
13. Toulouse E. Kuzebay Gerd and Udmurt literature // *Études finno-ougriennes*. 1996. 28. P. 5–28.
14. Toulouse E., Anisimov N. How the Udmurt understand the world, and man in it: Book review // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020. Vol. 14, No 1. P. 143–146. DOI: 10.2478/jef-2020-0010

Aleksey A. Arzamazov, Dr. Sc. (Philology), Head of Laboratory, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Leading Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-7577-5917; arzami@rambler.ru

ETHNOPOETIC WORLD OF ZOYA DUDINA

Abstract. The article deals with the poems of Zoya Dudina, one of the most famous and artistically original representatives of modern Mari poetry. The relevance of the topic is due to the versatility of literary talent and the variety of poetic techniques of the author, as well as the obvious lack of studies on her creative concept. The research novelty of this work is determined by the fact that Dudina’s poems have not been studied in the context of the national tradition and Finno-Ugric literature, as well as by the theoretical and methodological underdevelopment of the theme of women’s lyric poetry in the history of Mari literature. The purpose of the work is to analyze the individual author’s features of the Mari poet’s artistic picture of the world, the ethno-cultural components, and the existential psychological aspects of her creative expression, which originate from the folklore and mythology of the Mari people. The main objectives of the study are to consider the motif-figurative complex (the motif of death, atmospheric and ornithomorphic symbols), the problem-thematic priorities of the author, individual linguo-aesthetic parameters, correspondence with the works of national classics (S. Chavain), and the degree of correlation between the original texts and their Russian translations.

Key words: national literature, ethnocultural identity, modern Mari poetry, figurative system, linguistic and poetic features, lyrical subject, folklore and mythological context, Zoya Dudina

For citation: Arzamazov, A. A. Ethnopoetic world of Zoya Dudina. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.941

REFERENCES

1. Axiological paradigm of the Mari literature of the XX–XXI centuries: Collective monograph. (R. A. Kudryavtseva, T. N. Belyayeva, G. E. Shkalina et al.; R. A. Kudryavtseva, Ed.). Yoshkar-Ola, 2019. 353 p. (In Russ.)
2. Arzamazov, A. A. Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience. Kazan, 2022. 316 p. (In Russ.)
3. Gender representation of the Mari ethnic identity: language, folklore, literature: Monograph. (N. N. Glukhova, R. A. Kudryavtseva, T. N. Belyayeva et al.; N. N. Glukhova, Ed.). Yoshkar-Ola, 2017. 383 p. (In Russ.)
4. History of Mari literature. (K. K. Vasin, S. Ya. Chernykh, A. E. Ivanov et al.; K. K. Vasin, A. A. Vasinkin, Eds.). Yoshkar-Ola, 1989. 432 p. (In Russ.)
5. Kolcheva, E. M. Ethnofuturism as a cultural phenomenon. Yoshkar-Ola, 2008. 164 p. (In Russ.)
6. Kudryavtseva, R. A. Genesis and dynamics of the Mari story poetics in the context of the literatures of the peoples of the Volga region. Yoshkar-Ola, 2011. 324 p. (In Russ.)
7. Manaeva-Chesnokova, S. P. Artistic world of modern Mari poetry: Monograph. Yoshkar-Ola, 2004. 188 p. (In Russ.)
8. The Mari: Historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola, 2018. 482 p. (In Russ.)
9. Panteleeva, V. G. Udmurt poetry of the late 20th and the early 21st century: transformation of genres, styles, and images. *Studia Litterarum*. 2019;4(1):286–309. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309 (In Russ.)
10. Perm literature in the context of Finno-Ugric culture and Russian literature: Collective monograph. (T. A. Snigiryov, E. K. Kozin, Eds.). Ekaterinburg, Izhevsk, Syktyvkar, 2014. 556 p. (In Russ.)
11. Modern Mari lyric poetry: artistic models of the world and the poetics of creative individuality: Collective monograph. (R. A. Kudryavtseva, N. N. Starygina, N. I. Lyubimov et al., R. A. Kudryavtseva, Ed.). Yoshkar-Ola, 2022. 181 p. (In Russ.)
12. Domokos, P. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest, 1985. 353 ol.
13. Toulouze, E. Kuzebay Gerd and Udmurt literature. *Études finno-ougriennes*. 1996;28:5–28.
14. Toulouze, E., Anisimov, N. How the Udmurt understand the world, and man in it: Book review. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020;14(1):143–146. DOI: 10.2478/jef-2020-0010

Received: 5 May 2023; accepted: 26 June 2023